

Новые горизонты славистики: материалы II Международных научных чтений студентов и молодых ученых памяти Г.И. Рихтера. – Донецк, 2015. – 220 с.

В сборнике опубликованы представленные в оргкомитет II Международных чтений студентов и молодых ученых памяти Г.И. Рихтера «Новые горизонты славистики» статьи студентов и молодых ученых, посвященные проблемам русской филологии.

ББК Ш81.2Р
УДК811.161.1 + 821.161.1

Рекомендовано к печати Ученым советом филологического факультета
Донецкого национального университета, протокол № 9 от 21.04.15

Редакционная коллегия: В. И. Теркулов, д-р филол. н., проф. (отв. ред);
В. В. Федоров, д-р филол. н., проф.; И. И. Дяговец, д-р филол. н., проф.;
М. В. Бородинова, канд. филол. н., доц.; А. В. Емельяненко, канд. филол. н.,
Н. П. Курмакаева, канд. филол. н., доц.; А. Н. Стебунова, канд. филол. н., доц.;
В. А. Филатов, канд. филол. н., доц. (отв. секретарь); И. А. Ярошевич, канд.
филол. н., доц.

Рецензенты: д-р филол. н., проф. Кочетова С. А.
к. филол. н., доц. Кудрейко И. А.

умершего без крещения. По поверьям, мертворожденные, как и скончавшиеся без крещения младенцы, продолжают невидимо жить (и даже расти) там, где они похоронены, или в своем доме (достаточно часто мертворожденных закапывали в подполье или близ избы). Такие умершие могут становиться духами дома. Обычно они незримы и ночью бродят по избе. Как и все скончавшиеся скоропостижно или без крещения, игоша — не находящий успокоения умерший; он и «*беспокойный дух дома*»: проказит, вредит, если его не признают за домового вообще, «*признается большим озорником*» [6, с. 171].

Итак, ЛСГ в данной работе является механизмом рассмотрения отдельных наименований духов дома и двора. Мы заметили, что с помощью низшего пласта русской демонологии человек может проникнуть в сакральный мир русского человека и русской деревни, осмысли цели и предпосылки многих процессов их жизнедеятельности. Общая архисема «дом» дает право на существование и дальнейшее изучение этой ЛСГ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власова М. Русские суеверия: энциклопедический словарь / М Власова. — СПб.: Азбука, 2000. — 669 с.
2. Даль В. И. Иллюстрированный толковый словарь русского языка / В. И. Даль. — М.: Эксмо, 2008. — 896 с.: ил.
3. Левкиевская, Е. Е. Мифы русского народа / Е. Е. Левкиевская. — М.: Астрель: Аст, 2000. — 527 с.: ил.
4. Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила / С. В. Максимов. — М.: Книга, 1989. — 176 с.: ил.
5. Мифы народов мира. Энциклопедия: в I т. / гл. ред. С. А. Токарев. — М.: Сов. Энциклопедия, 1991. — 671с.
6. Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общей ред. Н.И. Толстого. - М.: Международные отношения, 2009 - 656 с.
7. Степанова Галина Васильевна, Шрамм Александр Николаевич. Введение в семасиологию русского языка. - Калининград: КГУ, 1980.- 256 с.
8. Человек в контексте культуры. Славянский мир. — М.: Издательство «Индрик», 1995. — 240 с.

И.В. Безверхая

(Научн. рук. доц. Н.В. Скляр)

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В РОМАНТИЧЕСКОЙ СКАЗКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ СКАЗОК)

В настоящее время внимание многих исследователей привлекает наименее изученный жанр — «романтическая сказка». К таким произведениям можно отнести сказки Л.Тика, Э.Т.А. Гофмана, К. Брентано, Новалиса, В. Жуковского и многих других авторов.

В XIX в. сказка включается в общие пути развития литературы, становясь в то же время предметом научного изучения. Романтики вместе с интересом к «народному» начинают обращаться к особому виду художественной сказки, которая строится то на форме крестьянской сказки, то на ее образах, то просто на принципе сказочно-фантастического переосмысления действительности.

Теоретическую базу работы составляют научные достижения таких учёных как В.Я. Пропп, В.И. Аникин, А.Б. Ботникова, М.П. Брандес, Е.И. Шендельс, А.И. Никифоров, которые исследовали сказку, её признаки, задачи, функции и проблемы средств выразительности. Но роль средств выразительности именно в немецкой романтической сказке в сравнении с русской сказкой является на сегодняшний день мало изученной. Таким образом, актуальность данной темы обусловлена необходимостью изучения метафорических средств выразительности в сказках немецких и русских романтиков, так как их использование является ярчайшим показателем индивидуального стиля писателя.

В немецкой литературе существует много определений сказки. Мы рассмотрим определение Н.Л. Гильчёнка: «Сказка жанр короткого рассказа; она возникла как народная поэзия и просуществовала почти у всех народов большей частью в устном предании. Характерно для сказки простая этическая норма: добро, порядочность, гуманность – вознаграждается; зло, несправедливость, жестокость всегда наказуемо» [1, с. 122].

Среди всех народов народная сказка тесно связана с историей человеческого общества. В соответствии с этим сформировались определённые виды сказок. Волшебные сказки происходят из периода родового порядка и отражают веру в духи, эльфов, гномов, природных богов и прочие; сказки о животных («Волк и семеро козлят»); мифологические сказки берут свое начало с момента начала нашей эры («Спящая Красавица»); Королевские сказки – из эпохи феодализма («Король Дроздобород»); социально-критические сказки датируются временем растущего капитализма («Дьявол и дрешер») [1, с. 122–123].

Литературная сказка наряду с законами жанра, которым она не может не следовать, часто заимствует от народной традиции те или иные ее признаки в той или иной совокупности; этим, в частности, и объясняется многообразие литературной сказки.

В ходе истории некоторые сказки претерпевали существенные изменения, исчезали, появлялись новые версии. Но несмотря на яркую национальную окраску произведений разных народов, многие мотивы, образы и даже сюжеты в них сходны.

В немецком языке сказка обозначается словом Märchen. Корень Mär- означает «новость», «известие», -chen – уменьшительный суффикс. Таким образом, Märchen – «маленький, интересный рассказ». Это слово встречается с XIII века и постепенно закрепилось в значении «сказка».

В различных языковых стилях, а особенно в художественном стиле, широко используются языковые средства, усиливающие действенность высказывания благодаря тому, что к чисто логическому содержанию добавляются различные экспрессивно-эмоциональные оттенки. Усиление выразительности речи достигается различными средствами, в первую очередь использованием тропов и фигур.

Тропы – сердцевина художественной речи, именно благодаря им поэт может увидеть и подчеркнуть новые, неожиданные связи мира [3, с. 44].

Среди немецких писателей-романтиков выделяются Э.Т.А. Гофман, К. Brentano, Л.Тик, Новалис. У каждого из них есть свой излюбленный прием покорения читательских сердец. Гофман это делает с помощью неязыковой иронии, которой пронизаны практически все его произведения, Тик в своих произведениях – показывает связи человека и природы, реального и фантастического миров, внутренней жизни романтической личности, Новалис – с помощью аллегории, Brentano – с помощью перифраз и аллегорий. Их произведения оказывали и оказывают неизгладимое впечатление на читателя [4, с. 131].

Самый одаренный в иенском кружке мыслитель Новалис в совокупности всей своей творческой деятельности был наиболее характерным и ярким выразителем всей системы иенских романтиков. «Сказка – канон поэзии, а все поэтическое для него должно быть сказочным. Истинная поэзия может быть лишь большой аллегорией» [2, с. 56].

Отсюда мы видим стремление Новалиса к поэтизации. Сама сказка для него уже поэзия, но именно язык сказки является этим элементом, который роднит сказку и поэзию, так как романтическая сказка богата метафорическими средствами, что и показывает ниже приведённые примеры.

Опираясь на классификацию метафорических средств В.А. Кухаренко, мы проанализировали сказку «Гиацинт и роза», чтобы глубже понять какие средства выразительности автор использовал в сказке.

«Unter den Mädchen war eine, ein köstliches, bildschönes Kind, sah aus wie Wachs, Haare wie goldne Seide, kirschrote Lippen, wie ein Püppchen gewachsen, brandrabenschwarze Augen» [4, с. 132]. Здесь автор сравнивает красоту ребёнка с красотой куколки.

Следующим тропом, часто наблюдаемым в сказке является гипербола.

Гипербола (греч. «преувеличение») – образное выражение, содержащее непомерное преувеличение размера, силы, значения и т.д. какого-либо предмета, явления.

Приведённый ниже пример покажет нам, чувства героя, которые были выражены с помощью гиперболы: *«Damals war Rosenblüte, so hieß sie, dem bildschönen Hyazinth, so hieß er, von Herzen gut, und er hatte sie lieb zum Sterben»* [4, с. 133]. В данном предложении автор преувеличивает чувства героя, выражая их такими словами: «Он любил её до смерти».

Олицетворения – это особый вид метафоры-иносказания – перенесение черт живого существа на неодушевлённые предметы и явления.

«*Die Gans erzählte Märchen, der Bach klimperte eine Ballade dazwischen, ein großer dicker Stein machte lächerliche Bockssprünge, die Rose schlich sich freundlich hinter ihm herum, kroch durch seine Locken, und der Efeu streichelte ihm die sorgenvolle Stirn*» [4, с. 135]. В данном отрывке мы наблюдаем, что олицетворение как стилистическая фигура, связанная с «инстинктом» персонификации в живых языках и с риторической традицией, присущей любой выразительной речи: гусь рассказывает, ручей звенел балладу, большой толстый камень делал прыжки через козла.

Следующим ярким представителем немецкого романтизма является Эрнст Теодор Амадей Гофман. Он был наиболее яркой фигурой среди писателей позднего немецкого романтизма.

В сказке «*Der goldene Topf*» характерным стилистическим приемом является употребление такого приема как риторическое восклицание. Автор использует данный приём для того, чтобы читатель мог ощутить, какое состояние герой испытывает в данный момент: «*Ach! ach! wo seid ihr hin, ihr seligen Träume künftigen Glücks*» [4, с. 180]. («*Боже мой! Боже мой! Где вы, блаженные грезы о будущем счастье...*»).

Употребление Гофманом в повествовании графонов существенно оживляет диалогическую речь героев, а тем самым сближает читателя с персонажами.

«*Hei, hei, was ist das für ein Gemunkel und Geflüster da drüben? – Hei, hei, wer sucht mir doch den Strahl hinter den Bergen! – genug gesonnt, genug gesungen – Hei, hei, durch Busch und Gras – durch Gras und Strom! – Hei, – hei – Heru-u-unter – Heru-u-unter!*» [4, с. 183] У Гофмана мы встречаем использование графонов, криками героя «Эй, эй, что там за толки, что там за шепот? Эй, эй, кто там ищет луча за горами? Довольно погрелись, довольно напелись! Эй, эй, сквозь кусты и траву, по траве, по воде вниз! Эй, эй, до-мо-о-о-й, до-мо-о-о-й!»

В сказке «*Das Märchen von Gockel und Hinkel*» К.Брентано использовал следующие средства выразительности. Автор употребил эпитеты для того, чтобы передать эмоции читателю: «*wilden Wald*» [6, с. 1], «*graues Männchen*» [6, с. 1], «*frischer Luft*» [6, с. 1], «*in dem wüsten Haus*» [6, с. 1].

Гиперболичность, как любое отступление от нормы в сторону преувеличения словно растворена в сказке и касается почти всех моментов ее фантастического действия, но не во всех случаях это качество особенно заметно.

«*Gras und Kraut wuchs überall, aus allen Winkeln, und Vögel vom Zaunkönig bis zum Storch nisteten in dem wüsten Haus*» [6, с. 1]. Здесь видно явное преувеличение автора по отношению к природе. Писатель хотел подчеркнуть ее красоту.

Как и у Новалиса, средневековье в произведениях Тика это поэтический мир, в котором возможно сказочное и фантастическое. Тик в сказке «*Der*

gestiefelte Kater» продемонстрировал художественные средства выразительности в следующих приёмах.

Автор в сказке использовал персонификацию «*Hinze der Kater richtet sich auf, dehnt sich, macht einen hohen Buckel, gähnt und spricht dann: Mein lieber Gottlieb, ich habe ein ordentliches Mitleiden mit Euch*» [5, с. 1].

В данном предложении персонификация носит эмоционально-оценочный характер, так как через данный прием автор выражает свой субъективный взгляд, свое отношение к животному, другим людям, к каким-то абстрактным явлениям и окружающей его действительности.

Употребляя гиперболу, Новалис выражает своё отношение к герою. «*Schon tausend schöne Prinzen, wertgeschätzte Tochter, haben sich um dich beworben und dir ihre Königreiche zu Füßen gelegt*» [5, с. 1]. Здесь мы видим отношение короля к принцессе, он гиперболизирует свои чувства, говоря о том, что создаёт царство у её ног.

Для сравнительного анализа немецких романтических сказок, мы обратимся к русской романтической литературе.

У самых истоков русского романтизма стоял один из ярчайших литераторов начала XIX века – Василий Андреевич Жуковский. Сама природа позаботилась создать в лице поэта «русское эхо» для западноевропейского романтизма. Но он не только писал прекрасные, продиктованные свободным вдохновением произведения, но и жил вдохновенно, поэтически. Поэтому все творчество Жуковского пронизано естественными и незамысловатыми интонациями жизни и природы. Он «открыл русской поэзии душу человеческую» (Г.А. Гуковский), то есть стал первым русским романтиком. То, что прежде считалось достоянием разума, у Жуковского стало частью душевной жизни, что придало особый лиризм его поэтическому творчеству. В сказке «Три пояса» писатель продемонстрировал следующие средства выразительности.

Для того чтобы усилить нужное впечатление, подчеркнуть то, что автор хочет прославить, а что высмеять, Жуковский в своей сказке всё это делает при помощи гиперболы.

В нижеупомянутом примере, автор подобным образом выражает явное преувеличение чувств героини. «*Людмила была не красавица, никто ее не хвалил, и подруги ее, которых она любила всем сердцем, твердили ей каждый божий день*».

Также автор в своей сказке использует сравнение. Любое сравнение призвано вызвать в сознании слушающего, читающего ассоциацию, обычно сопровождаемую эмоциями, вспышкой воображения, что способствует возникновению образа.

«*Пересвета и Мирослава были прекрасны, как майский день*».

Вот ещё один пример, который подтверждает данный стилистический приём: «*Соседи называли их алыми розами...*» Таким образом, автор выражает красоту девушек, сравнивая их с алыми розами. Как видим, данное сравнение

не влияет положительно на героинь: «отчего они сделались несколько самолюбивы».

В предложенном мною примере, в качестве сравнения Жуковский изображает героя с прекрасной внешностью и охарактеризовывает его положительными качества: *«молодой князь Святослав, Владимиров сын, прекрасный, как весенний день, и храбрый, как богатырь Добрыня, хочет выбирать себе невесту»*.

Суммируя сказанное, можно сделать вывод, что основными жанрообразующими чертами сказки являются ее идейно-тематическое содержание, особая композиция, образная система и языковой стиль.

Стиль художественной литературы отличается такими признаками, как наличие «эстетической функции, экспрессивности и образности», а значит использованием большого количества разных видов тропов.

Таким образом, в сказках немецкие романтики использовали разные виды стилистических фигур. Индивидуальный стиль Э.Т.А. Гофмана отличается преобладанием сложных предложений, использование характерного для фольклорной поэтики гротеска. Излюбленными тропами в сказках Гофмана являются сравнения, эпитеты, аллегория, метафора. Отличительной чертой стиля Э.Т.А. Гофмана являются также такие приемы стилистического синтаксиса, как риторические вопросы и восклицания. Отличительной особенностью Новалиса является частое использование метафор и гипербол. Для индивидуального стиля К. Брентано характерным является использование большого количества гипербол и олицетворения. Особенностью сказки Л. Тика является то, что сказка построена на использовании монологов и диалогов. Жуковский именно в жанре сказка близко подходит к изучению народного творчества. В литературных сказках Жуковского, как видно, обнаруживаются наиболее тесные связи с фольклором. Обращение Жуковского к фольклору не было временным увлечением поэта. Уважение к устному народному творчеству русского народа он сохранил на протяжении всей своей жизни, неоднократно обращаясь к нему как к источнику, способному обогатить литературу новыми темами, сюжетами, образами и художественными средствами. Индивидуальным стилем Жуковского является использование большого количества сравнений.

Таким образом, проанализировав романтические сказки в двух литературах, мы пришли к выводу, что течение романтизм накладывает отпечаток на язык, так как и русские, и немецкие романтики употребляли одинаковые тропы. И немецкие, и русские сказки богаты эпитетами, метафорами, сравнениями, аллегориями, олицетворениями, гиперболами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гильчёнок Н.Л. Аналитическое чтение. Серия: Изучаем иностранные языки /Н.Л. Гильчёнок.–СПб.: Издательство СОЮЗ, 2000.– 256 с.

2. История зарубежной литературы XIX века / Под ред. Н.А.Соловьевой. – М.: Высшая школа, 1991. – 637 с.
3. Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. – М., 1990.
4. Хрестоматия по немецкой литературе / Сост. Л. Е. Крайновой. – 2-е изд. – СПб.: КОРОНА – Век, 2009. – 352 с.: ил.
5. Spiegel online Kultur. Ludwig Tieck: Der gestiefelte Kater.[Электронный ресурс] / Ludwig Tieck - Режим доступа: <http://gutenberg.spiegel.de>
6. Zeno.org meine Bibliothek. Das Märchen von Gockel und Hinkel. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.zeno>

А.В. Голенецкая

(Научн. рук. проф. Н.А. Тупикова)

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК СРЕДСТВО ОЦЕНКИ ЧЕЛОВЕКА В РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

В современном языкознании нет единого мнения по вопросу о сущности и определении фразеологического оборота как языковой единицы. Толкование общего характера фразеологизму дал Ш. Балли: «сочетания, прочно вошедшие в язык, называются фразеологическими оборотами» [2, с. 243]. Мы в своей работе следуем за В.В. Виноградовым, который считает, что существенный признак фразеологического оборота – это его эквивалентность и синонимичность слову [2, с. 118]. В последние десятилетия изучение фразеологического состава различных языков стало особенно интенсивным и разнонаправленным. Однако решение многих проблем фразеологизмов остаётся актуальным на материале близкородственных языков.

Данное исследование посвящено изучению фразеологизмов в русском и украинском языках. Цель – сопоставить фразеологизмы, которые используют для оценочной характеристики человека.

В зависимости от того, какие качества человека характеризуются, вслед за Г.Ю. Пастернаком [5], все фразеологизмы со значением качественной оценки человека можно поделить на 4 семантических разряда, которые характеризуют отдельные черты характера, внешние физические качества; интеллектуальные возможности; социальное положение. В данной статье планируется представить семантический разряд «отдельные черты характера», в частности, негативные, которые обозначают хитрость и лицемерие, языкатость, жадность, трусость, несерьезность и легкомыслие, бессердечность и жестокость, бесхарактерность и безразличие, упрямство, безответственность, эгоистичность и гонористость, лживость и непорядочность, вспыльчивость.

Рассмотрим фразеологические единицы с точки зрения их эквивалентности. Вслед за А.Н. Барановым и Д.О. Добровольским [1, с. 205], выделяются среди эквивалентов «полные эквиваленты», «частичные

СОДЕРЖАНИЕ

Лексикология и стилистика

А.С. Бурляй (ДонНУ). Тематическая группа обозначений демонов двора/дома в русском языке – 3

И.В. Безверхая (ЛГУ им. Т. Шевченко) Метафорические средства выразительности в романтической сказке – 7

А.В. Голеницкая (ВолГУ) Фразеологизмы как средство оценочной характеристики человека в русском и украинском языках – 13

Н.С. Зайцева (ДонНУ). Неологизмы-заимствования: центр или периферия лексической системы русского языка? – 17

Н.В. Козак (ДонНУ). Процессы адаптации неозаимствований-англицизмов в современном русском языке – 22

И.В. Мельник (ЛГУ им. Т. Шевченко). Актуальность использования средств речевого воздействия публичной коммуникации – 27

Т.Д. Лучинская (Лицей при ДонНУ). Об особенностях современной эргонимной номинации (на материале городских вывесок Донецка) – 33

Н.И. Пантыкина (ЛГУ им. Т. Шевченко). Особенности перевода английских и русских паремий, репрезентирующих концепт «ЯЗЫК» - 38

В.А. Стрижаченко (ЛГУ им. Т. Шевченко). Имагологические образы во французской фразеологии – 44

А.А. Трушина (ДонНУ). Тематические группы зооморфных наименований мужчины в русском языке – 49

Е.А.Филь (ДонНУ). Лексические новообразования в современном русском языке – 54

А.В. Шепелева (ДонНУ). Лингвистический статус крылатых слов и выражений – 60

Дискурсология и генристика

Е.С. Балясова (ВолГУ). Существительные, обозначающие преступления и наказания в бытовой сфере, в памятнике письменности «Закон Судный людем» – 64

М.А. Бондаренко (ЛУ им. Т. Шевченко). Роль оценочной лексики в политическом дискурсе и специфика ее перевода – 67

А.А. Васильченко (ДонНУ). Фразеологизмы в рекламном тексте – 72

А.В. Галуза (ЛУ им. Т. Шевченко). Языковая специфика политических речей Владимира Путина и Ангелы Меркель – 76

П.О. Голда (ЛУ им. Т. Шевченко). Проблема социально-корректного высказывания в дискурсе современной эстрадной песни - 80

Ж.В. Зданович (ДонНУ). Русская пословица как источник изучения истории русского языка (на материале словаря В. И. Даля) – 85

А.Ю. Лазуренко (ДонНУ). Жанры креолизованных текстов в интернет-дискурсе – 91

Э. Лиипин (ДонНУ). Креолизованные тексты в политическом дискурсе СМИ Донбасса – 97

А.Е. Жуков (ДонНУ) Особенности профессионального жаргона шахтеров (на материале устной речи рабочего «Шахты им. А.Ф. Засядько» Донецкой области) – 103

С.Ю. Москалёва (ЛУ им. Т. Шевченко). Резюме как дискурсивный жанр деловой коммуникации – 107

Ж.В. Салдаева (ДонНУ). Каламбур в рекламном дискурсе – 112

А.В. Сафронова (ЛУ им. Т. Шевченко). Коммуникативная неудача в интернет-дискурсе (на материале социальной сети «ВКонтакте») – 117

С.С. Сейтиметов (ЛУ им. Т. Шевченко). Об изменении статуса стилистически окрашенной лексики в современном публицистическом тексте – 123

Р.В. Шолом (ЛУ им. Т. Шевченко). Выражение отрицания в испаноязычной и русскоязычной коммуникативной культуре – 128

О.И. Юдина (ВолГУ). Выражение социальной оценки в журнальных литературно-критических статьях начала XX в. – 131

Словообразование и грамматика

С.А. Будник (ДонНУ). Способы действия, выражаемые в словообразовательном гнезде глагола *лежать* – 137

В.Е. Ильяшенко (ВолГУ) Русские и польские глаголы со значением победы и поражения в документах архива Я. Сапеги начала ХУП в. – 140

О.А. Кириллова (КФУ им. В.И. Вернадского). Образность в слове и сравнительном обороте – 145

Е.М. Назарова (ВолГУ). Глаголы пребывания субъекта в эмоциональном состоянии в поэзии М. Лермонтова и А. Мицкевича – 151

А.В. Рева (ДонНУ). Формальные модели инициальных аббревиатур – 153

А.А. Сыроватская (ДонНУ). Модели образования сложносокращенных слов с аббреконтруктом *био-* – 158

Сучасна українська література та фольклористика: напрями дослідження

Х.О. Купріянова (ДонНУ) Пейзажні мотиви збірки Ліни Костенко «Річка Геракліта» – 162

В.С. Усанова (ДонНУ) Засоби характеротворення образів драми М. Старицького «Ой, не ходи, Грицю» – 166

А.В. Короткіх (ДонНУ) Християнські мотиви у повісті Г. Квітки-Основ'яненка «Маруся» та романі Ш. Бронте «Джейн Ейр» – 170

Литературоведение

Н.В. Бельчикова (ЛУ им. Т. Шевченко). Семейный мир в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» – 176

О.К. Голуб (ЛУ им. Т. Шевченко). Образ Парижа во французской и русской литературе XVIII-XIX веков – 182

А.Б. Молодцов (ЛУ им. Т. Шевченко). Концепция человека в “выбранных местах из переписки с друзьями” Н. В. Гоголя – 186

Ю.О. Остапенко. Литературная сказка: типологические особенности и проблемы перевода с немецкого языка на русский – 194

Н.Н. Парфенюк (ЛУ им. Т. Шевченко). Дружеские эпистолы в поэзии В.С. Высоцкого – 198

М.А. Турбина (ЛУ им. Т. Шевченко). Образ сада в поэзии М. Цветаевой и Б. Ахмадулиной – 203

В.В. Рогулина (ЛУ им. Т. Шевченко). Природоведческие концепты в эпистолярном дискурсе Константина Паустовского – 210